

Валентин Бобрецов

Это самое

Валентин Бобрецов
Это самое (сборник)

«Геликон Плюс»

2013

Бобрецов В.

Это самое (сборник) / В. Бобрецов — «Геликон Плюс», 2013

Наряду с лучшими поэтическими образцами из сборников «Сизифов грех» (1994), «Вторая рапсодия» (2000) и «Эссенции» (2008) в настоящей книге представлены стихи Валентина Бобрецова, не печатавшиеся прежде, философская лирика в духе «русского экзистенциализма» – если воспользоваться термином Романа Гуля.

Содержание

«Дым – табачный, глупа эта выдумка...»	6
«Как реставратор вазу античную...»	7
«Развалина с мотором подвесным...»	8
Эпилог к Евангелию	9
«Стада вернулись с пастбищ. День был...»	10
«Два полюса открыты, как фрамуги...»	11
«Осколки, щепки да песок. И всё...»	12
«Пора подумать о подкладках ватных...»	13
Наводнение в Утопии	14
«Перелетным давно пожелал: “До скорейшего!..”...»	15
«Не подумай: скупец-маньяк...»	16
Эрзац-заяц	17
«В наличии все атрибуты...»	18
«Память словно снежный ком...»	20
Фрау Холле	21
Вице-адмирал Шишков – поручику Лермонтову	22
Пейзаж по памяти	23
«Нет, заяц, погоди, не кипятись!..»	26
Русская морфология	27
Сонет на Новый, 1980 год	28
«Эпоха августа в разгаре...»	29
«Пенсионер бредет по скверу...»	30
«Оттенки за окном меняет мгла...»	31
«Окно венецианского покроя...»	32
«Древлеславянская желна...»	33
Из поэмы Сентябрь/Тиберий	35
«Во имя насекомое свое...»	37
Мытье окна	38
«Над помойкой моею, как прежде...»	39
«Вдыхая ледовитый ветр...»	40
Памяти Черного моря	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Валентин Бобрецов

Это самое (сборник)

© Бобрецов В., текст, 2013

© «Геликон Плюс», макет, 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Несколько слов об эпиграфах. Решительно не знаю, в какой момент «творческого процесса» они возникают у других, но у меня они всегда появляются после того, как «произведение создано», зачастую – спустя годы. Так что, строго говоря, это не эпиграфы, а гипографы (благодарю за греческий неологизм Е. В. Б.).

Автор

«Дым – табачный, глупа эта выдумка...»

Дым – табачный, глупа эта выдумка
про игру с небесным огнем.
Вдохновенье – вдох меньше выдоха.
Вот и всё, что знают о нем.
Вот и всё. Да и я, наверное,
не прибавлю к тому ничего —
без единого дуновения
вдохновения твоего.

«Как реставратор вазу античную...»

*Человек не бывает целым;
Человека на сто черепков
Время ломает сразу,
А потом в течение веков
Собирают его, как вазу.*

Иван Елагин

Как реставратор вазу античную,
педантично,
по мелким осколкам
фраз, улыбок, считая – сколько
мне их оставлено,
восстанавливаю

по тишине и по крику птичьему
в небе повисшему,
по названиям
улиц, книг,
по скамейкам в скверах,
по мелодии,
что трамвай вызванивает
на повороте,
по весу ветра
на плечи взваленного,
восстанавливаю

по мостам с животами впалыми,
что как борзые внезапно замерли
над каналами,
восстанавливаю

по дождю, что в полдень накрапывает,
по желтеющим фотографиям,
по рекламам вечернего Невского
и, под откос с подножки прыгая,
по канавам и свалкам пригорода,
зная – не с чего, зная – не с кого
восстанавливать —
восстанавливаю!

1975

«Развалина с мотором подвесным...»

Развалина с мотором подвесным,
чья мощность – тройка лошадиных душ,
плетешься ввысь со скоростью весны,
молю: дорогу выбранную сдюжь!

Как подлые подъемы одолеть
без ангельских пропеллеров и крыл?
Душа моя, дурацкий драндулет,
пригодный не для гонок – для игры.

Я заливаю кофе в бензобак
и – по канавам, но не для забав.
Душа ввела такой дорожный знак:
«Объезд бродячих кошек и собак».

1975

Эпилог к Евангелию

Иуда выберет осину,
а Человеческому Сыну
осанну пропоет апрель.
А Магдалина? На панель?
Нет, это не по ней,
Святая!
А шкур достаточно...
Светает.
Сын Человеческий воскрес.
Кто следующий? Свободен крест.

1975

«Стада вернулись с пастбищ. День был...»

*Едет дядя из Серпухова: бороду гладит, а денег нет.
Сборник пословиц В. Даля*

Стада вернулись с пастбищ. День был
удачно завершён. Старик
молитвенно глядел на деньги
и гладил бороду: – С троих
взыскать осталось... Как стонали,
кидались в ноги, клянча, мол,
отсрочь до завтра... И денарий,
что должен мне приятель мой...
Всевышний, хмелем, не слезами
наполни чашу до краёв!
Дай знак, что долг вернут мне завтра!
Благослови моих коров,
мой кров, мои... От умиления
он прослезился... Тут вошёл
в лохмотьях некто. На колени
пред старцем пал. Молчит... – Вам что? —
спросил старик. Помедлил: – Э, брат,
постой!.. А ежели гонца
прислал Господь?.. – и пришлеца
за плечи обнял... Дальше Рембрандт.

1976

«Два полюса открыты, как фрамуги...»

Два полюса открыты, как фрамуги.
И старый дом – союзник сквозняка...
Найти бы угол, где остался уголь.
И книги. И оклад истопника.

Но если и туда зима проникнет
и мерзлый крест мою отметит дверь, —
тогда спасти сумеют только книги.
И стану жечь их по одной, по две...

«Осколки, щепки да песок. И всё...»

Осколки, щепки да песок. И всё...
Разбитыми песочными часами
заведует залив. И клонит сосны в сон

прибой, торжественный и скучный, как гексаметр.
Поджарых чаек пара из-под ног
взмывает. Крик почти мгновенно замер.

И снова тихо. Обнажает дно
луна, чудовищный по силе божий поршень.
Пора домой. А впрочем, всё равно,

раз времени уже не будет больше.

«Пора подумать о подкладках ватных...»

Пора подумать о подкладках ватных.
Заклеить окна тоже не мешает,
чтоб дом – с жилыцами, кошками, мышами —
не вымерз. Чтобы дотянул до марта.
А там, едва лишь лёд легонько тронется,
дела найдутся.
Отдохнули б, да ведь:
мыть окна, вспоминать, что скоро Троица,
топить котят и мышеловки ставить.

Наводнение в Утопии

(ноября 7-го числа 1824 года)

Кабы к вящей турецкой досаде,
но не с тем, чтобы чванился швед, —
то окошко на южном фасаде
прорубить!.. Ну а ежели нет,

кабы верными были прогнозы
и река не застала врасплох!
Кабы барки, багры и насосы!
Кабы с нами – Россия и Бог!

И пускай меж четы сизокрылой
зеленеет на крыше весло.
Наводнение было да сплыло,
а несчастья не принесло.

Нервы в норме. В чехле нивелир.
Можно с барышней в храм.
Или в садик.
Пользы прорва. Урон невелик:
ненаписанный «Медный всадник».

1977

«Перелетным давно пожелал: “До скорейшего!..”...»

Перелетным давно пожелал: «До скорейшего!..»
Воробьи завершили войну за скворечники.

На руке твоей пальцы – беда с психологией! —
я губами считал. Миллион. Все холодные.

На пальто бирка трепаная «Made in Holland»
означает, наверно, что «Сделано в Холод».
Да и все, что сказал я, весьма беспокоюсь,
шито белыми нитками. Инеем то есть.

«Не подумай: скупец-маньяк...»

Не подумай: скупец-маньяк.
Я бы отдал всё тебе, всё...
Только нет ничего у меня.
Только руки, сердце, висок.
Да вместо имения над речкой —
местоимения, наречья.

Да еще на подметках пыль
тех дорог, что к тебе вели...
Вот и всё, что я накопил.
Не успел потерять. Вели! —
И всё, как ветер огню,
предам. А верней, верну.

Эрзац-заяц

Заяц желтый – скок по потолку.
Скок... скатился кубарем по шторе...
Хорошо мне. Правда, я не лгу,
хорошо...
От чашки кофе, что ли?
От того, что заяц – скок да скок?
От того, что солнечный он, заяц?..
Впрочем, как бы это не тоской
по чему другому оказалось...

«В наличии все атрибуты...»

В наличии все атрибуты:
двустворчатая, как тиски,
дверь с анаграммой в три буквы,
славянским символом тоски,
с инструкцией, что запрещает
в кабине смех, куренье, флирт,
и зеркалом, где всяк с прыщами
себя увидит. Словом, лифт,
что, исключая дни поломок,
туда-сюда, верней, вверх-вниз
жильцов, гостей, котов, болонок
перемещает, гуманист.

Какое чудо! Нужной кнопки
нажатие, и ты уже,
не утрудив нисколько ноги,
стоишь на нужном этаже.
Однако я живу на третьем,
оторван от земли едва:
и видит Бог, не жажду встретить
там, в зеркале, я № 2.
И потому порою маюсь,
однако, слабость утаив,
самодержавно подымаюсь
при помощи своих двоих...

Буксующей машины фары
мигают, радужно искрясь.
Ату, грядущие татары!
Или туман вам застил грязь?
Так соберите чувства-мысли,
дабы постичь, что, злись-не злись,
асфальты русские раскисли,
да и ботинки расползлись.
Да и пальто до основания
промокло – убеждаюсь в чем,
ключ из кармана доставая
и пальцы омоча ключом.

Но что творится в этом доме
со мной, с основами основ?
Лифт отвечает как термометр
на приключившийся озноб,
когда безлюдная кабина
взмывает в вышину стремглав.

Как это объяснить? Обидно,
не мистик я... И дверь, и мгла,
и ключ, и так в подъезде тихо,
что слышимо – который год! —
дыханье судеб-сталактитов
под капельницей непогод.

1977

«Память словно снежный ком...»

Память словно снежный ком.
Покатился с первым шагом.
Как с ним весело, легко! —
на дворе зима, а жарко!
Хохочу, его качу,
сам того не замечая:
с каждым шагом он чуть-чуть
тяжелее, чем в начале.
Был он лёгок, мал – снежок.
Но два шага, и сумел он
вырасти весьма: тяжёл
и с футбольный мяч размером.
Память – снежный ком. Кого
он толкнул, коснулся боком,
тотчас тот – лишь часть его,
шара, слепленного Роком.
Я растерян. Ком растет.
Не пугай меня, не путай —
погоди, постой! – Но тот
больше с каждой минутой.
Больше дров, чем дальше в лес,
но и – заблудиться шансов...
Не хочу – качу. Рефлекс.
А коль так – считай, что счастлив!
Снежный шар и земляной
Оказались двойниками...
Катится передо мной
чувство почвы под ногами.

Фрау Холле

Неба нет ни капли в стальной
атмосфере осенней.
Самолет в 16–00,
скрывшись за кровлей соседней,
очевидно выронил звук,
тот, что, будучи вспорота,
издает подушка. И пух
начал кружить над городом.
И к вечеру стало светлеть.
Да так, что больно смотреть.

Вице-адмирал Шишков – поручику Лермонтову

Хоть кол теши, хоть плавай Ледой,
хоть, извиняюсь, в глаз ударь —
он всё своё, о буре этой...
Нет, милостивый государь!

Шторм – это значит пароходству
Убыток, да ещё какой.
Тебе же подавай, прохвосту,
ценою бедствия – покой.

Уразуметь давно пора бы,
что буря – зло, сплошной ущерб.
Тебя бы да на тот корабль,
что превратится в груды щеп!

Пейзаж по памяти

Пристойная утеха Аонид,
игра пера, любительский рисунок,
пейзаж, каким рассеянный рассудок
его в своих запасниках таит.

Под земской сенью тополей и лип
некрашенный забор в чертополохе.
Картофеля цветы, кобель на блоке
да куры в приусадебной пыли.
(Богат горохом смежный огород,
и машут бело-пестрыми крылами.
О, купно с голубями – пред орлами
поставленный Талмудом птичий род!)
Хохлатки разгребают пёстрый сор.
Древесный пух и перья ветер носит.
А на прохожих чёрный нос курносит
и дёсны обнажает пёс Трезор.

Горизонталь отраднее глазам
любых, пускай ничтожных возвышений.
Милей кобель, оправленный в ошейник,
любезней рынка строгий строй казарм.
И в плоском смысле памятный ландшафт
оказывался чуть не идеалом —
укрыт одноэтажным одеялом
из кровель, крон и кепок, — улучшал
народа нравы, просвещал невежду,
а в благодатном действии на мозг
такой пейзаж был чем-то средним между
уженьем щук и нюханьем мимоз.

Окрестностей горизонтальный ритм
нарушен был, как помню, только трижды.
Во-первых, храмом. Там вершились тризны
да, изредка, крещения. Горит
иным, не свечки гривенной, огнём
народ, что – свергнув идол христианства —
играя в клубе в шашки, ждёт сеанса
(а кто не так – в бараний рог согнём!)
И три перста¹ влекли из кулака
лишь старики, у паперти смолкая.
Креститься? Вряд ли. Видимо, сморканье

¹ Кому уж очень не нравится «три», тот пусть читает «два». Тем паче и храм-прототип – старообрядческая церковь в Рыбацком. (Прим. автора.)

осуществлять без помощи платка.

Вторым из прославлявших вертикаль
был Маков, мастер печи класть. Пьянчуга,
но тяготевший к Верди и пичугам.
Из тех пристрастий вывод вытекал,
а именно: вооружась шестом,
на голубятню возносился Маков,
и пел – в текст канонический со вкусом
вкрапляя мать – о чувстве, о шестом.

Но культовое зданье и печник
не шли – к чему досужие вопросы! —
в сравнение с мужчиною из бронзы,
что взору всю окрестность подчинил.
Сверкали зорко из-под козырька
на северный пейзаж два тёмных глаза,
и под усами медными не гасла
усмешка – он едва, чуть-чуть, слегка
не помыкая вовсе, намекал,
что нашей жизни чужд уклад фламандский:
холст может сгнить, доска – сгореть, сломаться,
а бронза – та надолго. На века!..

Долг гражданина красен платежом.
И дабы в яму не попасть ни за что,
гляжу вперед... Тем паче и пейзаж-то
на добрых четверть века протяжен.
В начале было вот что. Мне пять лет.
Со мною всё случается – впервые.
К примеру, ем с горчицей паровые
котлеты. Скачет по полю Пеле.
По Ретроградской волости телят
привесы циклопичны. Рубль и Куба
меняют курс. Дружинники из клуба
выводят первых на Руси стилиг.
Из-за общежитийного забора
взираю, как ткачиха с морячком
дают ответы на вопросы пола
(о, волк морской, вертящийся волчком!).
А я клянусь стечение светил
за слишком оттопыренные уши.
И постигаю, сколь отменно тушит
пожар души подкрашенный этил.
Засим, поднявши пилигримский стяг,
я воспаряю, мысль кружа в химерах.
Чтоб возвратиться, Байрон-недомерок,
на родину пятнадцать лет спустя...

Из трёх вершин остался Божий храм
благодаря тому, что на отшибе.
На паперти паук, подобно Шиве,
воссел. А в алтаре хранится хлам.
И флегматично созерцает мент,
как попираю бренными ногами
пустующий, заросший лопухами
и уходящий в землю постамент.
В печах пылает газ. Трезор беззуб.
А голубь, присягнув авиапочте,
копается в мемориальной почве.
А зоб его походит на слезу...

1978

«Нет, заяц, погоди, не кипятись!..»

«Нет, заяц, погоди, не кипятись!
А я переболел болезнью роста.
И знаю, что до сорока пяти
дожить – уже немалое геройство.
Богатыри немые, а наш удел —
слова. А то, что волка кормят ноги,
ты опровергнуть не один хотел:
вон черепов у столбовой дороги!
Чем возражать, немного погоди.
Ручаюсь, станешь моего плачевней
во дни, когда, сомненья победив,
себя распустишь, будто ополчение.
Мир сделать чище, чем он был и есть, —
о, я прошел чрез это ницшеанство!
Но чтобы стала детская болезнь
хронической, вроде ишиаса, —
не дай мне Бог!..» – с улыбкой замолчал,
вишневой трубкой задымил, как крейсер.
А я ушами хлопал по плечам.
И до сих пор бешусь, что ты был весел.

Русская морфология

Существительные ссучились.
Как подлог – любой предлог.
У глагола в лучшем случае
паралич обеих ног.

Нету лиц. Местоимения
корчат рожи там и тут.
И числительных не менее,
прилагательные – лгут.

Губы мне кривит причастие,
как татарину – Причастие.
И лежит язык во рту,
как расстрелянный во рву.

Служит немоте наречие,
одиночеству – союз.
Говорю, хотя и не к чему.
Понимают – сам дивлюсь.

1979

Сонет на Новый, 1980 год

Согласно суеверьям високосным,
год будет плох, как семь библейских, тощ.
Что не спалит светило, выбьет дождь.
И, кое-как укрыта снегом поздним,
померзнет озимь. Пищей станет хвощ.
А там, глядишь, дождемся черной оспы
с Востока. Да и западные козни,
когда декабрь минует, подытожь.

Бог весть, что воспоследует за этим.
Но загодя страдая животом,
сажусь к столу с уверенностью в том,
что, человеке, как Сократ, ты смертен,
но знать не знаешь, мыслящий планктон,
каким таким китом ты будешь съеден.

«Эпоха августа в разгаре...»

Эпоха августа в разгаре.
Простор, сияньем залитой.
Но ловит ветер, старый скаред,
летающий первый золотой
бесхозный лист... О, как давно ты
Мне люб!.. Живей, быстрее, скорей
Мчит за прообразом банкноты
вольноотпущенный Борей.

1979

«Пенсионер бредет по скверу...»

*Жизнь – театр.
Общее место*

Пенсионер бредет по скверу.
Его годами оделя,
природа позабыла меру...
В последних числах октября,
когда загрозила о снеге
грязь, отвердев на сантиметр,
а солнце уступает с некой
поспешностью грядущей тьме —
гляди, он торкает клюкою
грунт и выделяет па
степенно, с важностью такою,
что всяк бы со смеху упал,
и зал бы долго колыхался
и долго усмехался зал,
когда б игрец не задышался,
и не слезились бы глаза,
и на нос съехавших стекляшек
не видел – и не знал простак,
что грим на щеки эти ляжет,
когда закончится спектакль.

«Оттенки за окном меняет мгла...»

Оттенки за окном меняет мгла.
Пространство в атлас юркнуло. И полка
прогнулась. Стали ходики. Легла
на стрелки пыль. И форточка заволгла.

Ни прошлого. Ни будущего. Только
два письменных, спина к спине, стола.
Да на двоих полуторная койка,
где нас лицом к лицу судьба свела.

Зарос быльем парадный вход в шато,
чтоб ты рождалась (лишь халат и тапки)
из мыльной пены, милая. О акме
всех запахов! (благодарю «Внешторг»,
Всевышнего и...) Вот примерно так мы
живем пред превращением в Ничто.

«Окно венецианского покроя...»

Окно венецианского покроя.
Теперь пробьют подобное навряд.
Трепещешь, тронув переплёт рукою,
как будто открываешь фолиант.

В стене, таким украшенной окном,
иное показалось бы прорехой.
А в это можно, выстроясь шеренгой,
выбрасываться хоть вдесятером.

«Древлеславянская желна...»

1

Древлеславянская желна
сосновый ствол долбит.
А меж ударов тишина,
как будто ты убит.
И словно бы издалека
доносится глухой
гробовщикова молотка
удар очередной.

2

Надеюсь, что ретивые юннаты
еще не посадили ту сосну,
в которую, бетонные пенаты
покинув, я улягусь (не ко сну
будь сказано!) и с чувством наслажденья
(я не про те утехи, что грубы)
могу взирать на лесонасажденья,
не проча молодь в сумрачны гробы.

А что ж, давай и вправду скорбность сбавим,
помешкаем, цепляясь за ландшафт
руками (а придется – и зубами!),
чтобы в зрачках остался и в ушах
зеленый шум – стук дятла областного,
отнюдь не означающий «пора!»
Помешкаем – и более ни слова
про молоток отнюдь не столяра.

3

Под насекомый аккомпанемент —
жужжанье, шебуршенье, стрекотанье —
мысль прыгает с предмета на предмет,
но их природа остается в тайне.

Как, почему? Не ведаю, что за

причина? Для чего, куда, откуда?
Как зайцы, разбегаются глаза,
и голова заходится от гуда.

Но там, где лютовал весенний пал,
трава, что общей доли не избегла,
роскошествует, как Сарданапал,
смирненно воскрешенная из пепла.

Из поэмы Сентябрь/Тиберий

Я экономен. Жалуются – жаден.
Храню порядок. Шепчутся – жесток.
Вдохну я, нечем, – вопиют, – дышать им!
А выдохнул – надеются, что сдох...

Путем людской природы к делу злomu
намерения добрые ведут.
Я полагал, даю свободу слову,
но отпустил на волю клевету.
Сребролюбивый рыхлозадый старец,
скупивший жито в худосочный год;
колдун, ревнитель богомерзких таинств,
и виршеплёт-юнец – без меры горд
стихом, где, ум выказывая скудный,
осмеивает прах моих ушей;
и ты, матрона, платных потаскуний
освоившая ремесло, – ужель
вы ропщете?! Но, чреслами и чревом
влекомые, чего хотите вы?!
Не ждут, кормя скотину белым хлебом,
из жидкой жилы доброй тетивы.
Но вам струна потребна: тешась арфой,
вы млеете. И знать не хочет блажь,
как, не страшась стрелы ослабшей, варвар
в пределах римских ставит свой шалаш.

Я пережил сомнение и жалость.
Бирючья сыть – и перед ней не сник.
Пусть ненавидят, лишь бы соглашались!
И вот идут – в ошейниках стальных,
с доносами, с подносами, забавой
актерской теша, с криком «Исполать,
Отечества Отец!», шепча: «За бабой
иль, государь, за мальчиком послать?..»
Ужель ты вскормлен молоком волчицы?
Он тявкает, мой Рим, по-лисы льстив:
«Будь, Цезарь, здрав!..»
Но, труся, рыкнуть тщится:
«Тиберий, падаль, отправляйся в Тибр!»
Ну а рабы, что вечно бредят бунтом?
А варвар, что крадется к рубежу?..
Завидуете Цезарю? Как будто
забыли: волка за уши держу...

Я слышал, что казненный в Иудее

лет пять назад сапожник – Иисус
его как будто звали? – был на деле
Сын Божий. Он умел в цветущий куст
оглоблю превращать. Преображаться
умел в змею, мурену и скворца.
Но не желая к чарам обращаться,
он словом обращал к себе сердца.
Грехам земным грозя судом небесным,
он обещал, что праведных спасут
любовь и вера, – и согласно местным
законам был немедля вызван в суд.
Неправедными судьями допрошен,
и уличен, и осужден на крест,
и, тленный, снят с креста и в гроб уложен
он день спустя воистину воскрес!

Но Риму моему, я полагаю,
помочь не смог бы даже этот Христ...
Пусть мостовая рукоплещет Гаю —
лебанский кедр, сосна и тамариск
смягчают смрад. О большем не мечтая,
под гул прибоя наблюдаю я,
как между пальцев струйка золотая
стекая, погребает муравья.
А вдруг – воскреснет?.. Но сентябрь в разгаре.
Гексаметр волн я слушаю в глуши.
А в Риме шепчут: «Полоумный скаред
морской песок прибрать к рукам решил...

1980

«Во имя насекомое свое...»

Комиссар Блох.

И. Уткин. Повесть о рыжем Мотэле

Во имя насекомое свое,
грозя войною до скончания видов,
в мир явится апостол муравьёв,
мессия ос, пророк термитов.

И грянет бой, которому греметь,
пока не станет небо островерхим,
пока под ним не обновится твердь
медоточивым пчеловеком.

1981

Мытие окна

1

Луна ли, солнце – не пойму.
С ума сойти – какие стёкла!
С такими терем на тюрьму
походит, сумеречен, – столько
скопилось грязи! Перламутр
помёта птички, коя сдохла
уже, небось, лет пять тому,
пенициллина зелень, охра
табачная, и дождь, ему
благодаря кровоподтека
имелась рыжина – Востока
ковёр не так цветаст! Восторга,
однако, не было: в дому
соединялись краски в тьму.

2

И вот, впервые далеко не за год,
пространство законное, тот свет,
что был зашторен и заклеен, заперт,
замазан мглой и ухарски отпет
магнитофоном, свет окна, на Запад
глядевшего украдкою, на ветер
в ботве берёз, свет, в памяти кацапа
сходивший тихой сапою на нет, —

в промоину величиной в пятак
он возвращаться начал понемногу,
и вот отмытый в десяти водах,
благодарящий щедро за подмогу,
третью тополя, клочок неба и помойку
освободителю пожаловал. Вот так.

1981

«Над помойкой моею, как прежде...»

Над помойкой моею, как прежде
над военною нивой,
брезжит ворон с лиловой плешью,
глас у врана гугнивый.

Он вершит над добычею эллипс,
крив на правое око.
Упадет, в кучу мусора вперясь,
воспарит невысоко,

костяными губами сжимая —
отыскавши насилие —
бандерольку господню, премалый
кус российского сыру...

1981

«Вдыхая ледовитый ветер...»

В. К.

Вдыхая ледовитый ветер
да хая тот, что послан свыше,
снотворный вечносерый свет
небес, над городом нависших,
ты куришь, стоя у окна,
и за произлетающим в небе
следа, не видишь, как охнарь
на грудь твою роняет пепел.

И странно пусто на душе
от мысли – не ищи в ней проку, —
что на девятом этаже
окно распахнуто в Европу.
Лишь тлеет шерстяная нить,
и тает в туче клин транзитный.
А свитер твой дыряв, как сито,
как сеть, чтобы ловить синиц.

Памяти Черного моря

1

Балтийский берег. Финские коряги.
И солнце по пути из грек в варяги
забрелшее на пару дней. Рука
немецкой куклы. Пробки да очистки.
Широкий зад чихающей пловчихи.
И мой фамильный замок из песка.

Люблю я море! Но другое море.
Не это, что лежит, как блин прямое,
и мелкое, как мысли о блине.
Там радуга, а здесь – разводы нефти.
И рыба, что идет не в сети, в нети.
Нет, что таить, другое море мне
любезно. Позабыл его название,
плескаясь в этой коммунальной ванне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.